

29. Там же. С. 262, 263.
30. Сулимов В. Цесаревич Николай в Тобольской губернии. Тобольск, 2009. С. 57.
31. Сибирская Вандея. 1919–1920. Документы: в 2 т. Т. 2. С. 117.
32. Шуляков В. А. Указ. соч. С. 264, 265.
33. Сибирская Вандея. 1919–1920. Документы: в 2 т. Т. 2. С. 666, 667.
34. Шуляков В. А. Указ. соч. С. 277.
35. Там же. С. 273.
36. Союз казаков России: 1990–2010. М., 2010. С. 52.

А. А. СУХАРЕВ

аспирант кафедры отечественной истории Тюменского государственного университета

СОВЕТСКИЕ МАССОВЫЕ ПРАЗДНИКИ В ГОДЫ НЭПА (НА МАТЕРИАЛАХ ТЮМЕНИ)

В современной историографии советские массовые праздники нередко становятся предметом исследования [1]. Это стало следствием масштабного процесса в исторической науке, вызванного возросшим интересом исследователей к повседневным практикам и ментальности широких масс населения, и в частности восприятию ими партийно-государственной пропаганды. Так, М. Рольф понимает советский массовый праздник как средство осуществления господства большевиков, используемое для распространения догм, норм и представлений о будущем [2]. Для С. Ю. Малышевой праздничная культура первого советского десятилетия представляет интерес как важная составляющая социального конструирования реальности и процесса ресоциализации жителей российской провинции [3].

После большевистской революции 1917 г. новая власть была заинтересована в поддержке населения. Одним из средств, призванных обеспечить доверие режиму, явились советские массовые праздники. Торжественные мероприятия пропитывались

коммунистической идеологией, утверждали новые социальные роли граждан и подчеркивали успехи многочисленных преобразований.

В Тюмени в 1920-е гг. организацией торжественных мероприятий обычно руководил агитационно-пропагандистский отдел городского или губернского (позднее — окружного) комитета РКП(б)–ВКП(б), в зависимости от масштаба. Тем самым советские праздники ставились под контроль представителей региональной большевистской элиты. Комитет партии также организовывал специальные комиссии по подготовке к важным праздникам [4]. Нами был проведен анализ материалов газеты «Трудовой набат» (позднее переименованной в «Красное знамя»), содержащих планы проведения праздников в Тюмени и регионе, в ходе которого выявлено 35 таких планов. Из них 31 составлен специальными комиссиями (8 из которых губернские и окружные, 1 городская, остальные без указания), 2 — непосредственно агитационно-пропагандистскими отделами горкома и окружкома партии, по 1 — начальником Тюменского гарнизона и отделом работниц и крестьянок окружного парткома. Иногда образовывались праздничные комиссии отдельных предприятий и учреждений, подчиненные городской или окружной. Например, перед 12-й годовщиной Октябрьской революции они образовывались из представителей профсоюзов, ячейки ВКП(б), ВЛКСМ, делегатского собрания и депутатов горсовета [5]. Непосредственной подготовкой к праздникам среди масс трудящихся занимались партийные ячейки, месткомы и фабрично-заводские комиссии учреждений и предприятий. Их задачей была агитация и подготовительная работа среди трудовых коллективов. Так, план проведения дня Октябрьской революции в 1928 г. в Тюмени рекомендовал партийным активистам использовать для разъяснения смысла праздника обеденные перерывы и «разного рода собрания и сходы» [6].

Советский праздник, как правило, представлял собой цепь мероприятий разного рода. Собрания на предприятиях, посвященные соответствующей памятной дате, демонстрация, спортивные соревнования, завершение строек, а также освещение всех этих акций в

прессе становились единым и взаимосвязанным целым. Благодаря этому каждый советский праздник становился запоминающимся событием и охватывал большие группы горожан.

В общем виде структуру советских праздничных мероприятий в 1920-е гг. можно представить следующим образом: подготовительная часть, начинающаяся за несколько дней или месяцев, в зависимости от масштабов; основная часть, включающая в себя центральное мероприятие — демонстрацию, парад или митинг, проводившиеся в первой половине праздничного дня; заключительная, развлекательная часть дня празднования, состоящая из демонстраций кинофильмов, спектаклей. В рамках данного порядка возможны были незначительные отступления. Некоторые памятные даты отмечались на протяжении нескольких дней. Так, в 1925 г. с 18 по 25 января в Тюмени проходила «Ленинская неделя», посвященная памяти вождя пролетариата.

Подготовка к торжественным мероприятиям проводилась заранее, за несколько недель или даже месяцев, в зависимости от значимости даты. Соответствующая информация появлялась в местных газетах. К ней относились планы мероприятий, а также статьи, призванные привлечь внимание читателей к памятным датам. Например, в 1924 г., накануне дня освобождения Урала от Колчака, тюменская газета «Трудовой набат» в течение 2 дней публиковала «тезисы для докладчиков» [7]. Данная информация предназначалась не только для выступающих, но и для широкого круга читателей. На следующий день были опубликованы лозунги к праздничному дню [8]. Подобная информационная поддержка сопровождала и значительную часть других массовых праздников.

Наиболее идеологически важные памятные даты предварялись специальными собраниями в клубах, учреждениях и предприятиях города. К концу 1920-х гг. организаторам удалось добиться достаточно массового посещения данных мероприятий. К примеру, по материалам отчета о проведении празднования 8 марта в 1928 г., «залы [клуба водников и Дома Советов] были полны с большой нагрузкой,

приходилось запрещать публике входить, и этим они оставались недовольны» [9].

Помимо докладов, зачастую к памятным датам приурочивалось издание стенгазет трудящимися, вывешивание агитационных и информационных материалов, приуроченных к тому или иному празднику. Так, в 1926 г. накануне 8 марта в Тюмени проведена выставка, посвященная литературе об участии женщин в революционном движении и достижениях в области «практического раскрепощения работниц и крестьянок» [10]. Внимание населения привлекалось и другими способами. Например, накануне международного юношеского дня 2 сентября 1928 г. по городу факельным шествием прошли комсомольцы и пионеры [11].

Особняком стояли собрания перед годовщиной Октябрьской революции, проводившиеся во всех клубах Тюмени и даже в детских домах. На них обычно подводились итоги развития Советской республики, причем внимание слушателей акцентировалось на достижениях. Содержание таких собраний незначительно менялось от года к году в зависимости от текущих задач, поставленных перед местной парторганизацией, и мировых событий. Так, торжественное заседание 6 ноября 1923 г. после доклада о международном положении и проблемах германской революции было разбавлено процедурой массового приема в члены РКП(б) и последующим концертом [12]. В 1927 г. накануне праздника проходили собрания с докладами о хозяйственных достижениях страны за 10 лет. Кроме того, по городу на автомобилях развозились листовки о международном положении [13].

Ко дню Октябрьской революции осуществлялось также предпраздничное украшение города. Местная газета «Красное знамя» так описывает метаморфозы, произошедшие с Тюменью накануне 7 ноября 1927 г.: «Пролеты улиц перепоясали гирлянды красных флажков. Здания оделись флагами, полотнищами лозунгов и зеленью. На Базарной площади выросли 2 обелиска и большие триумфальные ворота» [14]. Несмотря на то что город был еще далеко не

полностью электрифицирован, вечером на главных улицах, а также на зданиях советских и партийных органов развешивались гирлянды, подсвеченные лозунги и пятиконечные звезды.

В советское время сложилась практика приурочивать к праздничным дням (обычно 1 мая и 7 ноября) начало или завершение значительных строек. Тюмень, несмотря на скудность городского бюджета, не осталась в стороне. К примеру, одним из запланированных программой празднования 1 мая в 1923 г. мероприятий была закладка здания городского театра [15]. В 1927 г. к 10-й годовщине Октябрьской революции были построены школа «Памяти 10-летия Октября» в районе «Кузниц», клуб союза советских и торговых служащих, отремонтирована школа имени тюменского революционера Серова [16]. Планировалось даже запустить автобусное движение, однако коммунальный трест не сумел обеспечить выполнение этой задачи [17]. Кроме того, накануне дня Октябрьской революции комиссия по празднованию обращала внимание предприятий и учреждений города на необходимость выплатить трудящимся заработную плату [18]. Очевидно, что данные акции были рассчитаны на пропагандистский эффект. Открытие новых зданий представлялось как свидетельство правильности проводимой государственной политики.

Центральным событием ряда советских праздников являлась демонстрация. Ее проведение способствовало сплочению горожан, хотя относилось это в большей степени к членам профсоюзов. За их участием в праздниках осуществлялся контроль со стороны месткомов, масса же неорганизованного населения была в основном представлена сама себе. При этом демонстрации, проводившиеся 1 мая и 7 ноября, несколько различались по своему содержанию. День солидарности трудящихся был не только важной датой социалистического календаря, но в народном сознании зачастую олицетворялся с весной. Очевидно, это повлияло на частое присутствие на первомайских демонстрациях элементов карнавала. Возможно, еще одной причиной была своеобразная конкуренция, связанная с близостью в

календаре Первого мая и Пасхи. Большевики стремились «перетянуть» население на сторону «своего» массового праздника.

В Тюмени карнавальные элементы в первомайских демонстрациях впервые отмечены в местной газете в 1925 г. Образы, которые присутствовали на праздничных мероприятиях, были разнообразны и отражали отдельные явления советской действительности, иногда в сатирическом ключе, но всегда с явно выраженным пропагандистским значением. В 1926 г. под лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь» шествовали люди, изображавшие разные народы мира в национальных костюмах [19]. Кроме того, впервые на улицах Тюмени появились трактора, олицетворявшие технический прогресс. В 1927 г. на демонстрации присутствовала телега, изображавшая бюрократизм. Корреспондент газеты «Красное знамя» так объяснял появление этого образа: «У нас еще много старой закваски, потому что дух чиновничества еще крепок в наших учреждениях» [20]. На демонстрации 1928 г. было подготовлено еще одно наглядное свидетельство преимущества технического прогресса: пять тракторов противопоставлялись худой крестьянской лошади, которая, судя по надписи на плакате, оплакивала свой уход со страниц истории [21]. Участие в городских торжествах сельскохозяйственной техники наглядно демонстрировало тюменцам успехи в техническом перевооружении деревни.

Празднование дня Октябрьской революции проходило в более сдержанном духе. Утром сборные колонны трудящихся из разных районов города собирались на Базарной площади, самой крупной в Тюмени, где проводился митинг. После недолгих приветствий и речей представителей местной власти участники демонстрации подходили к братским могилам коммунистов, погибших в окрестностях Тюмени в годы Гражданской войны и Западно-Сибирского восстания 1921 г., чтобы почтить их память.

Газетой подчеркивалось единение народных масс в ходе праздничных мероприятий. Так, описывая 9-ю годовщину Октября, «Красное знамя» сообщало о стойкости демонстрантов в холодную ветреную погоду: «Не все слышно было. Не все прислушивались.

Но никто не уходил... всех сковала одна мысль: сегодня годовщина Октября... И у всех было одно желание: быть всем вместе» [22]. Корреспондент газеты в данном случае скорее не просто приукрашивал действительность, а стремился воссоздать ее образ для воздействия на сознание читателей. Как свидетельствует М. Рольф, зачастую шествие организованных колонн в ходе демонстраций сопровождалось безучастным поведением «неорганизованного» населения [23]. Оно стояло в стороне или же наблюдало, но явно не было частью праздничного мероприятия. Некоторые подобные случаи отмечались и в тюменской газете. Например, в день освобождения Урала от Колчака в 1923 г. «Трудовой набат» сообщал, что член районного управления профсоюза связи Смирнов «заложивши руки в карманы, разгуливал по полю, демонстрируя свое нежелание быть в рядах массы, хотя и как член правления и как член союза обязан был это сделать» [24].

Частым пропагандистским мотивом того времени была необходимость защиты социалистического отечества в случае нападения многочисленных врагов из капиталистического лагеря. Праздники косвенно поддерживали в гражданах боевой дух. На дни Красной армии 23 февраля и Всевобуча 17 мая проводился парад военнослужащих. Это массовое действо должно было продемонстрировать готовность трудящихся к обороне. Не без поэтичности корреспондент «Трудового набата» описывал свое впечатление от увиденного на параде в 1923 г.: «Ноги 5 тысяч, идущих в стройных рядах под звуки военного марша, как одна гигантская нога отпускаются на сухую землю. Мерный, выдержанный шаг говорит твердыми словами. Мы сильны... Мы стройны. Мы сплочены... Мы непобедимы» [25]. Вполне вероятно, что подобные ощущения испытывали и многие из зрителей.

Во время проведения праздников, связанных с молодежью и армией, таких как Международный юношеский день, день Красной армии и флота, день освобождения Урала от Колчака, обычно также устраивались спортивные соревнования. Так среди наиболее активной части населения пропагандировался здоровый образ жизни. Вместе с тем спортивные занятия на протяжении 1920-х гг. ассоциировались с подготовкой к воинской службе. В них регулярно

участвовали красноармейцы и курсанты всеобщего обучения. То есть они фактически служили тем же целям, что и парады.

После демонстрации или парада его участники, как правило, расходились по домам, но вечером их ожидала финальная часть праздника. Заклучалась она в развлекательной программе — посещении бесплатных киносеансов, спектаклей, выступлений, билеты на которые распространялись через профсоюзы. Причем комиссии по проведению праздников рекомендовали заведующим клубов ставить спектакли на «революционную тематику» [26]. Таким образом, даже на окончательном этапе праздника, предполагавшем отдых и развлечения, участники испытывали воздействие идеологии.

Массовые праздники советского времени отчасти напоминали праздники царской эпохи. Так, исследователь М. А. Мордасова отмечает: «Возможно сравнение различных революционных шествий и демонстраций с крестным ходом, выступлений на митингах и собраниях — с религиозными службами и народными посиделками, физкультурных и спортивных парадов — с дореволюционными военными...» [27]. Однако использование по большей части привычных для населения форм праздника сочеталось с его идеологизацией, чего ранее не наблюдалось. В отличие от царского режима, большевики стремились воспитать граждан, одобряющих политический курс страны. Мероприятия, проводимые в рамках массовых торжеств, являлись своеобразной «азбукой коммунизма», доступной даже для неграмотных. По сравнению с Москвой, Ленинградом и областными центрами, праздники в небольших провинциальных городах, таких как Тюмень, отличались намного меньшим масштабом проводимых мероприятий. Отметим, что в то же время организаторы стремились перенести из столиц по крайней мере формы мероприятий — в провинции также проводились парады, демонстрации и открытия новых зданий накануне «красных» дат.

В целом, советские массовые праздники являлись для руководства страны важным инструментом влияния на общественное сознание. В 1920-е гг. они еще не стали только семейными или личными, не ушли в область быта и не потеряли своего мобилизующего за-

ряда. Участие народных масс в ритуализированных торжественных мероприятиях и тематических собраниях способствовало усвоению партийно-государственной пропаганды. Однако значительное социально-политическое расслоение общества, деление на трудящихся и обывателей обусловило различную степень влияния торжественных мероприятий на разные группы населения. Попытки внедрения идей посредством праздников иногда заканчивались безрезультатно по причине глубокого неприятия большевистских преобразований как таковых и недостаточно высокими темпами роста уровня жизни при высоком уровне ожиданий патерналистски настроенных граждан.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Азарова П. Е. Советские праздники как механизм социализации городской молодежи Западной Сибири (1921 — первая половина 1941 г.) // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых. Новосибирск, 2011. С. 198–204; Кислицына А. Н. Массовые праздники в Петрограде в 1917–1922 гг.: История организации и проведения: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1999; Литвинова М. В. Массовые праздники и зрелища как культурный феномен: дис. ... канд. филос. наук. Белгород, 2002; Малышева С. Ю. Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917–1927). Казань, 2005; Мордасова М. А. Праздничная культура Южного Урала в 1917–1941 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2005; Плаггенборг Шт. Революция и культура. Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб., 2000; Рольф М. Советские массовые праздники. М., 2009.
2. Рольф М. Указ соч. С. 7.
3. Малышева С. Ю. Указ. соч.
4. ГАСПИТО. Ф. 1608. Оп. 1. Д. 8. Л. 9.
5. Красное знамя. 1929. 30 окт.
6. Там же. 1928. 24 окт.
7. Трудовой набат. 1924. 11, 12 июля.
8. Там же. 13 июля.
9. ГАСПИТО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 247. Л. 114.
10. Там же. Д. 161. Л. 24.
11. Красное знамя. 1928. 4 сент.

12. Трудовой набат. 1923. 2 нояб.
13. Красное знамя. 1927. 4 окт.
14. Там же. 10 нояб.
15. Трудовой набат. 1923. 28 янв.
16. ГАСПИТО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 162. Л. 233.
17. Там же. Л. 227.
18. Там же. Д. 414. Л. 6.
19. Трудовой набат. 1926. 6 мая.
20. Красное знамя. 1927. 4 мая.
21. Там же. 1928. 4 мая.
22. Там же. 1926. 10 нояб.
23. Рольф М. Указ. соч. С. 187.
24. Трудовой набат. 1923. 22 июля.
25. Там же. 22 мая.
26. Там же. 2 нояб.
27. Мордасова М. А. Указ соч. С. 151.

З. Н. СОКОВА

профессор кафедры новой истории и международных отношений Тюменского государственного университета, доктор исторических наук, профессор

ВЛАСТЬ И МУСУЛЬМАНСКИЕ ОБЩИНЫ ТЮМЕНСКОГО РЕГИОНА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х гг.

Долгое время в отечественной историографии Западная Сибирь выпадала из списка территорий, народы которых ассоциировались с понятием мусульманской традиции. Проблемы, связанные с религией и культурой ислама, изучались в основном на примере Средней Азии, Северного Кавказа и Закавказья. Наоборот, исследования, посвященные Западной Сибири, практически не затрагивали проблематики межконфессиональных отношений. Тюменский регион в этом отношении не представлял исключения. Краеведы воспринимали свою малую родину как моноконфессио-